А.А. МОСЕЙКО
(Волгоград)

ЭТИКЕТНАЯ МОДЕЛЬ ПРОСЬБЫ В БРИТАНСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Описывается этикетная модель просьбы в британской и русской лингвокультурах как речевое действие и лингвокультурный скрипт. Анализируются факторы, влияющие на характер официальной просьбы, разновидности просьбы – спонтанная, заранее подготовленная, шутливая, осложненная. Раскрыта специфика неимпозитивности (отсутствия коммуникативного давления на адресата) как базового ориентира поведения в британской лингвокультуре применительно к скрипту «просьба».

Ключевые слова: *формульная модель поведения, коммуникативные шаги, стратегия вежливости, обиходная просьба, официальная просьба, лингвокультурный скрипт, неимпозитивность.*

Под просьбой понимается вежливое побуждение адресата к действию, направленному в пользу говорящего. Для достижения цели говорящий стремится построить свое высказывание так, чтобы наиболее эффективно воздействовать на собеседника, поскольку адресат не обязан выполнять то, о чем его просят. Оформление просьбы, а также сопровождение ее «этикетными компонентами», к которым обычно относят просьбу о просьбе и обоснование обращения с просьбой, являются важными составляющими для говорящего [2]. В неофициальной обстановке общения обоснование обращения с просьбой имеет многообразный характер. Говорящий может перечислить ряд причин, заставивших обратиться с просьбой; проявить заботу и дать обещание; начать убеждать адресата в том, что просьба незначительна и легко выполнима; в случае отказа говорящий может прибегнуть к угрозе. В любой ситуации общения эффективность воздействия на собеседника повышается, если просьба сопровождается обоснованием обращения с просьбой. В рамках обыденного общения ситуации просьбы могут варьироваться разнообразными моделями поведения, которые можно свести к нескольким типам:

1) просьба, возникшая в момент коммуникации, спонтанная, состоящая из коротких конструкций, без возвышенной лексики, нередко не относящаяся к теме разговора.

Например:

– Ирин, дай мне свое красное платье напрокат, мне на свадьбу идти, так неохота деньги тратить на один раз.

Could you help me choose a pair of shoes, please. I have no idea what colour is better. – Не мог бы ты помочь мне выбрать туфли? Я без понятия, какой цвет лучше (здесь и далее перевод автора. – *А.А.);*

2) просьба с более осознанной или подготовленной интенцией просьбы – зачастую включает несколько коммуникативных ходов: привлечение внимания – вспомогательные ходы – собственно просьба. Чем серьезнее просьба и больше зависимость адресанта от адресата, тем вероятнее использование большего количества «этикетных компонентов» и коммуникативных ходов. Например: *У Вас есть пара минут?* (поддержание контакта). *Не могли бы Вы мне помочь?* (просьба о просьбе). *Я вчера плохо себя чувствовал, поэтому пропустил занятие, не могли бы Вы дать мне задание?* (обоснование просьбы). *Я завтра принесу конспект* (обещание).

I really feel embarrassed to ask you. I don't know anybody else in the city who could help me. I need money to get home. I'll send it as soon as possible. – Мне очень неудобно просить Вас об этом. Я не знаю больше никого в городе, кто бы мог мне помочь. Мне нужны деньги, чтобы добраться до дома. Я вышлю Вам, как только смогу.

Даже при равных статусах собеседников просящий находится в зависимом положении, и чем сильнее он желает получить результат и добиться цели, тем чаще он будет называть имя заведомого исполнителя *(Ну, Кать, ну дай списать! Ну, Катюш, что тебе стоит, дай, пожалуйста, а?*). Это своего рода попытка «наладить канал связи», достучаться до собеседника.

Если просящий боится «потерять лицо» в случае отказа, а также не желает ставить адресата в затруднительное положение в случае невозможности выполнения просьбы, просьба может быть построена и в юмористическом ключе [3]. Например:

Оскар Уайльд, проигравший в казино все свои наличные, спросил швейцара, угодливо распахнувшего перед ним дверь:

– Не могли бы вы одолжить мне двадцать франков?

© Мосейко А.А., 2015

– С удовольствием, – ответил швейцар, протягивая деньги.

Уайльд вежливо отвел его руку:

– Прошу оставить себе. Это вам.

Следует отметить, что в бытовом этикете при выражении просьбы в обоих языках намечается универсальная тенденция к стабильности коммуникативных тактик и стратегий, а также выбору менее официальной лексики. Серьезность и важность просьбы предполагают большее количество коммуникативных шагов, лексических единиц, при этом юмор помогает коммуникантам сохранить свое лицо и разрядить напряженность обстановки. В английской коммуникативной культуре косвенному способу выражения просьбы отдается предпочтение, поскольку вежливость косвенных высказываний облегчает слушающему возможность отказа или объяснения обременительности выполнения каких-то действий.

Правила вежливости играют ключевую роль в официальной просьбе. Отступление от определенных правил игры может и не привести к желаемому результату, направленному в пользу ‘я’ – говорящего, просящего: «Я прошу Вас сделать это». Необходимость быть вежливым – важное условие для получения каких-то благ и выгоды ‘для себя’ с помощью просьбы. Вариативность выбора той единственной формульной модели поведения зависит от различных факторов, и просящий каждый раз делает выбор.

В русском языке конструкции с лексически раскрытыми коммуникативными составляющими либо вообще невозможны, либо находятся на периферии вариативных рядов, тяготеют к официально-деловой, научной сферам общения, высоким этикетным формулам [1]. Например: *Прошу дать слово моему коллеге Льву Николаевичу; Не могли бы вы поставить мой доклад первым?; Декан – громко разговаривающим в коридоре студентам: «Молодые люди, я просил бы вас говорить потише, идут занятия. Кстати, почему вы не на лекции?»*

В бытовом контексте анализируемые конструкции при обращении начальника к подчиненному приобретают другие смысловые оттенки и меняют свое коммуникативное значение – выражение *Прошу подготовить документы ко вторнику* будет воспринято скорее как приказ либо выражение подчеркнутого холодного регистра общения. Этикетные формулы *Прошу передать соль, Прошу принести второе* в бытовой речи также передают в русском языке не просьбу, а резкое раздраженное требование.

В официальных просьбах письменного характера отправитель просьбы зачастую использует повышенный регистр вежливости, «этикетные компоненты», вспомогательные ходы, тем самым принуждая адресата выполнить указанные действия, якобы наложенные неким социумом, т.е. оказывается косвенное давление на получателя просьбы как бы извне. Как правило, просьбу сопровождает косвенный комплимент, тем самым создавая благоприятное впечатление о просящем, и, в свою очередь, вызывает желание у адресата соответствовать мнению и выполнить то, о чем просят:

Обращаюсь к Вашему Превосходительству с просьбою о деле для меня важном. Знаю, что Вы неохотно решитесь ее исполнить. Но Ваша слава принадлежит России и вы не вправе ее утаивать. Если в праздные часы занялись вы славными воспоминаниями и составили записки о своих войнах, то прошу Вас удостоить меня чести быть Вашим издателем [4].

Таким образом, официальная просьба включает несколько коммуникативных шагов, идет от множественного лица, включает в себя большой набор формул вежливости и строится с учетом прагматических компонентов.

Этнокультурная специфика речевого жанра просьбы в английской и русской лингвокультурах различается и проявляется в особенностях коммуникативного поведения, формульных моделях, скриптах поведения, стратегиях вежливости, предпочитаемых носителями культур, в основе которых лежит разное мировоззрение, индивидуалистическое у англичан и коллективистское у русских.

Нерелевантность отношения к импозитивам в разных лингвокультурах делает недопустимым и неприемлемым прямое коммуникативное давление на адресата для англичан. Подобные действия рассматриваются как нарушение предписаний, норм, принятых скриптов поведения, соответственно, выражая просьбу, англичане предпочитают косвенно-вопросительные высказывания, вопросительные модели *Could / Would you do X,* что эквивалентно русской модели «Сделайте это (пожалуйста)».

Для русской коммуникативной культуры, в основе которой лежат иные социально-культурные отношения, коммуникативное давление на собеседника не является запретом, напротив, расценивается как допустимое и естественное:

Скажите, пожалуйста, какое домашнее задание было задано? – Could you tell me what

your homework was? (Не могли бы вы сказать, какое домашнее задание было задано?).

Принесите, пожалуйста, счет. – Could I have a bill, please? (Можно мне счет, пожалуйста?).

Подобная стратегия и вопросительные конструкции в оформлении просьбы неуместны и не свойственны для русской коммуникативной культуры, просьба оформляется при помощи императива, ср.: *Could I help you? (Я могу вам помочь?) – Давай помогу; Would you explain your absence at the lecture, please? (Вы бы объяснили свое отсутствие на лекции). – Объясните, пожалуйста, свое отсутствие на лекции (в университете).*

Субъективно-объективная ориентированность в оформлении английской и русской просьбы различна, что объясняется особенностями культуры, коммуникативного поведения, стратегиями вежливости, различными представлениями о скриптах поведения. При выражении просьбы в английском коммуникативном акте степень вежливости повышается, если акцент переносится с говорящего на слушающего, т.е. реализуется стратегия вежливости «вывод адресата из дискурса», что снижает степень коммуникативного воздействия на адресата просьбы: *Could I borrow your text-book for a couple of minutes, please?* вместо *Could you give me your text-book for a couple of minutes, please?* / *Could I leave this package for her?* вместо *Could you give her this package?* Для русской коммуникативной культуры подобная стратегия маловероятна, поскольку для русского человека вряд ли существенна разница в выражениях *Могу я оставить для нее пакет*? и *Вы можете передать ей пакет?*

Проанализировав диалогические единства просьбы и ответной реплики, можно заметить, что представитель английской лингвокультуры испытывает чувство неловкости в ситуации невозможности выполнения просьбы своего собеседника, этим объясняется вежливый, аргументированный и убедительный отказ. Если в просьбе отказано и объяснения отказа не последовало, англичанин никогда не будет выяснять причины и, тем более, просить еще раз. Категоричность форм не свойственна английскому этикету, в то время как у носителей русского языка можно встретить негативные восклицания в качестве реакции на просьбу как со стороны адресуемого, так и со стороны просившего в случае отказа. «Понятие вежливости неоднородно в различных культурах» [5].

Дистанцированность, неимпозитивность, уважение личной автономии, употребление косвенно-вопросительных конструкций, относительно большая степень конвенциональности и ритуализованности, преобладание социально закрепленной формы над содержанием отличают официальную просьбу в английской лингвокультуре.

Представления о правилах и принятых нормах поведения, необходимости их соблюдения и отношение к их нарушению, т.е. нормативно-поведенческая составляющая, диктуют определенную модель поведения, что поразному проявляется в формульных моделях и особенностях коммуникативного поведения, стратегиях вежливости представителей русского и английского социумов.

Можно выделить четыре основные разновидности просьбы как речевого действия – спонтанная, заранее подготовленная, шутливая и осложненная и два скрипта этого речевого действия – нейтральный и маркированно-неимпозитивный. Первый скрипт прослеживается как в русской, так и в британской лингвокультуре, второй более характерен для британского коммуникативного поведения в его официальном проявлении. Нейтрализация возможного коммуникативного давления на партнера в официальном общении объясняется приватностью (privacy) как базовой ценностью британской лингвокультуры.

Список литературы

1. Безяева М.Г. Вариативный ряд конструкций русской просьбы // Научные доклады филологического факультета МГУ. 1998. Вып. № 2. С. 49–61.

2. Карасик В.И., Шейгал Е.И. Градация речевого этикета // Вопросы совершенствования обучения (иностранному) языку как средству межнационального общения: материалы республик. науч. конф. Харьков, 1991. Ч. 2. С. 33–38.

3. Мосейко А.А. Этикетные модели поведения в британской и русской лингвокультурах: дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2005.

4. Пушкин А.С. Письмо А.П. Ермолову. Апр. 1833 // Собрание сочинений. Т. 10. Письма 1831–1837. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1962. С. 486.

5. Yli-Jokipii H. Requests in Professional Discourse: A Cross-Cultural Study of British, American and Finnish Business Writing. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1994. P. 27–33.

* * *

1. Bezjaeva M.G. Variativnyj rjad konstrukcij russkoj pros'by // Nauchnye doklady filologicheskogo fakul'teta MGU. 1998. Vyp. № 2.S. 49–61.

2. Karasik V.I., Shejgal E.I. Gradacija rechevogo jetiketa // Voprosy sovershenstvovanija obuchenija (inostrannomu) jazyku kak sredstvu mezhnacional'nogo obshhenija: materialy respublik. nauch. konf. Har'kov, 1991. Ch. 2. S. 33–38.

3. Mosejko A.A. Jetiketnye modeli povedenija v britanskoj i russkoj lingvokul'turah: dis. …kand. filol. nauk. Volgograd, 2005.

4. Pushkin A.S. Pis'mo A.P. Ermolovu. Apr. 1833 // Sobranie sochinenij. T. 10. Pis'ma 1831–1837. M.: Gos. izd-vo hudozh. lit., 1962. S. 486.

The etiquette model of request in the British and Russian linguistic cultures

There is described the etiquette model of request in the British and Russian linguistic cultures as a speech act and linguocultural script. There are analyzed the factors that influence the character of the official request, the varieties of the request are spontaneous, prepared beforehand, humorous, complicated. There is revealed the specificity of non-impositivity (lack of communicative pressure on the addressee) as the basic guiding line of behavior in the British linguistic culture concerning the script "request".

Key words: *linguocultural script, formula model of behavior, communicative steps, strategy of politeness, informal request, formal request, non-impositivity.*

(Статья поступила в редакцию 14.12.2015)

О.А. ДМИТРИЕВА, Е.В. ЕРМОЛАЕВА
(Волгоград)

ТИПОЛОГИЯ ХРОНОТОПА И УЧАСТНИКОВ МЕДИТАТИВНОГО ДИСКУРСА

Рассмотрена медитация в рамках теории дискурса. Охарактеризованы следующие критерии: хронотоп, участники дискурса, интенция, каналы восприятия. Определено место медитативного дискурса в типологии дискурса: персональный – бытийный. Выделена и описана специфика хронотопа (время и место протекания медитации) и участников медитативного дискурса (реальные: мастер медитации и медитирующий/ирреальные).

Ключевые слова: *дискурс, хронотоп, участники дискурса, интенция, медитация.*

Интерес лингвистов к изучению типов коммуникативного взаимодействия объясняется смещением фокуса с проблематики структурной лингвистики в сторону антропоцентрической лингвистики. В настоящий момент активизация межкультурного обмена привела к смешению западных и восточных культур, в том числе и духовных практик. Медитация, ставшая чрезвычайно популярной в современном обществе, вызывает исследовательский интерес как у психологов, педагогов, философов, физиологов, так и у лингвистов (В.В. Шлахтер, К.К. Сунгуртян, Р. Уолш, Д. Шапиро, М. Мерфи).

Медитация (от лат. *meditatio* – размышление) представляет собой умственное действие, целью которого выступает приведение человека в определенное состояние сознания. В.В. Шлахтер под медитацией понимает «длительное размышление о каком-то предмете, явлении или процессе, происходящее в состоянии углубленной сосредоточенности психики и ума, при котором все остальные, посторонние объекты не проявляются в сознании медитирующего» [2, с. 9].

В настоящей статье предлагается впервые рассмотреть медитацию в рамках теории дискурса. В качестве материала исследования выступили тексты, аудиозаписи и видеозаписи медитаций. Всего было проанализировано 424 единицы. Опираясь на критерии, предложенные В.И. Карасиком [1, с. 6], проанализируем медитативный дискурс по следующим параметрам: хронотоп и участники общения.

Мы относим медитативный дискурс к разновидности персонального, а именно, к бытийному. Обоснуем данное решение. Медитация, будучи углубленным размышлением, сопровождающимся апелляцией к ценностям, эмоциям, архетипам, способствующая гармонизации ментальной составляющей практикующего медитацию, не является ни элементом институционального общения, ни видом бытового общения, поскольку характеризуется своеобразной тематикой и целью. Цель медитативной практики определяет структуру как хронотопа, так и участников дискурса.

Хронотоп медитативного дискурса характеризуется тем, что события, разворачивающиеся в медитативных текстах, имеют четкую фиксацию в сетке координат «время – пространство». Кроме того, целесообразно выделять в структуре медитативных текстов два блока: инструкцию, содержащую рекомендации по вхождению в медитацию и выходу из нее; инструкцию по перемещению в ирреальном пространстве мыслительных образов. В структуре хронотопа мы выделяем время протекания медитации (ВПМ) и место протекания медитации (МПМ). Хронотоп протекания ме-

© Дмитриева О.А., Ермолаева Е.В., 2015